

глядѣлъ въ окно, поджидая Зюзю. Но Зюзя не являлся, и батюшку окончательно взорвало.

— Что же это такое?—рѣшилъ онъ.—Не сидѣть же мнѣ цѣлый день одному. Поѣду-ко я къ этому... къ донъ-Жуану-то... ха-ха...

И батюшка снова беззвучно расхохотался.

Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, знакомый намъ плетеный шарбанчикъ, запряженный сытымъ меренкомъ, трусиль по дорогѣ къ винокуренному заводу Щепоткина. Утро было прелестное. Въ полѣ царилъ утренняа тишина, нарушаемая только отдаленными трелями жаворонка, стрекотомъ кузнечиковъ и шелестомъ благоухающихъ травъ. Даль была прозрачна и ясна, и на безоблачномъ небѣ съ особенной отчетливостью рисовались волнистыя очертанія горъ и узорчатая кайма деревъ, увѣнчивавшихъ ихъ молчаливыя, дремлющія вершины.

На перекресткѣ двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна вела на Панику, а другая на заводъ, батюшкѣ на встрѣчу попался щегольской экипажъ на резиновыхъ шинахъ, запряженный хорошею парюю вороныхъ. Въ экипажѣ съ томной граціей сидѣла Марья Ивановна Фирсова, утопая въ волнахъ розоваго баржеа и лентъ; рядомъ съ нею неуклюже торчала длинная фигура Жоржа. Оба они съ любезностью раскланялись съ батюшкою, и экипажъ, беззвучно подпрыгивая по кочкамъ, пронесся мимо. Эта встрѣча еще болѣе оживила о. Пароена.

— Вѣдь это она къ Володыкѣ собралась спозаранку!—воскликнулъ онъ весело.—Ай-да инженеръ! Онъ всѣмъ вамъ ность-то натянеть. А этотъ, верста коломенская, туда же взгромоздился. Да ибѣтъ, братъ, не туда мидишь! Ха-ха-ха...

Батюшка представилъ себѣ, какъ онъ сейчасъ раздражитъ Щепоткина, и еще энергичнѣе дернулъ возжами. Меренокъ приложилъ уши, вытянулся и заторопился мелкой веселой рысью. А кругомъ стояла все та же умиротворяющая тишь и юной красоты цвѣла безучастная къ мелкимъ людскимъ заботамъ природа.

Но вотъ, среди темно-зеленыхъ ольховыхъ кущъ, показались заводскія трубы и разбросанныя тамъ-и-сямъ постройки. Батюшка проѣхалъ дребезжащій мостикъ, перекинутый чрезъ неглубокій оврагъ, на днѣ котораго журчалъ чистый, какъ слеза, ручей, и очутился въ усадьбѣ. У дверей „очистной“ онъ увидѣлъ самого Щепоткина, который, стоя на крылечкѣ въ одной рубахѣ и въ галошахъ на босу ногу, рассчитывался съ подгоринскимъ кабатчикомъ, пріѣхавшимъ за виномъ. Между ними шелъ довольно крупный разговоръ. Кабатчикъ не хотѣлъ отдавать какого-то